

Л. А. Курышева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск*

Стихотворная сказка Я. Б. Княжнина «Флор и Лиза» в контексте ранних русских баллад

Сочинение Я. Б. Княжнина «Флор и Лиза. Сказка в стихах» (1778) принадлежит к числу первых русских баллад. Кроме того, это первый русский балладный текст с появлением мертвеца – сюжетной ситуацией, столь продуктивной в последующую, романтическую эпоху.

Наиболее типологически близка «Флору и Лизе» баллада Н. М. Карамзина «Алина» (<1790–1791>). Обе баллады посвящены теме неверности, и обе развивают балладный извод сказочного сюжета «Муж на свадьбе жены», который завершается переходом в мир мертвых. Кроме того, сходство заключается в развернутой повествовательной манере и психологизации балладного конфликта через прямой авторский комментарий.

Во «Флоре и Лизе» все события – любовь, измена и воссоединение любовников в смерти – представлены как экстраординарные. Трагический финал обусловлен таинственной связью судеб двух персонажей, подкрепляемой мифопоэтикой «растительного кода». Версификационная техника (катреновая строфа с четырехстопным ямбом, перекрестной рифмовкой и сменой женских и мужских клаузул) подчеркивает герметичность любовной истории. В «Алине» Карамзина ход действия обусловлен сочетанием универсальных законов человеческого бытия и роковой связи персонажей. Балладное событие заключается в финальном соединении любовников, вопреки их пребыванию в разных мирах, земном и небесном. Мифопоэтическую основу сюжета составляют образы переменчивых стихий и природы. Версификационная техника (нестрофический четырехстопный ямб с вольной рифмовкой) «поддерживает» идею текучести, прихотливости жизненной стихии.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, сюжеты, мотивы, баллада, Я. Б. Княжнин, Н. М. Карамзин, сюжет «Муж на свадьбе жены».

В России возникновение литературных произведений в жанре лиро-эпической баллады связано эпохой сентиментализма и предромантизма¹. Неудивительно, что балладные тексты этой поры содержат немало общего с сюжетикой и поэти-

¹ Начальному периоду становления нового литературного жанра посвящены диссертационные исследования: [Душина, 1975; Александровская, 2004; Шумахер, 2015a]. Не обошли вниманием вопрос о раннем периоде развития жанра исследователи русской романтической баллады: [Иезуитова, 1966; Ермоленко, 1983; Маркович, 1987; Гугнин, 1989].

Курышева Любовь Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, kurysh@mail.ru)

кой сентиментальной повести и готической прозы². В частности, рассказ о вероломной любви стал основой нескольких русских баллад последней трети XVIII – первого десятилетия XIX в.

Сюжет о вероломной любви содержат следующие баллады обозначенного периода: «Неверность» (1781) М. Н. Муравьева, «Раиса. Древняя баллада» (1791) и «Алина» (<1790–1791>, опубл. в составе «Писем русского путешественника» в 1801 г.) М. Н. Карамзина, «Бедная Дуня. Русская песня» Н. Ф. Остолопова (1802), «Услад и Всемила. Старинная русская баллада» Н. Ф. Грамматина (1810). Считается, что самым ранним русским литературным текстом в жанре лиро-эпической баллады является стихотворение Муравьева «Неверность» [Кулакова, 1967а, с. 44; Иезуитова, 1978, с. 142; Топоров, 2003, с. 89–90]. «Неверность» не была широко известна при жизни автора, но пальма первенства в создании баллады именно в «народном» духе принадлежит, несомненно, М. Н. Муравьеву³. Настоящей статьёй я бы хотела обратить внимание исследователей на более ранний текст – стихотворное сочинение Я. Б. Княжнина «Флор и Лиза» с подзаголовком «Сказка в стихах» (1778). Уникальность «Флора и Лизы» в том, что это произведение принадлежит к числу первых русских баллад, и в том, что это первый русский балладный текст с появлением мертвеца – сюжетной ситуацией, столь продуктивной в последующую, романтическую эпоху.

Прежде чем перейти к анализу «Флора и Лизы» и их месту в ряду других ранних баллад, необходимо остановиться на одном весьма знаменательном аспекте авторских наименований нового жанра.

Само жанровое обозначение «баллада» появляется далеко не у всех авторов этого периода. Поэты обходятся без жанрового обозначения (М. Н. Муравьев, М. Н. Карамзин в «Алине», А. Ф. Мерзляков, Г. П. Каменев и др.) либо используют более привычные номинации, по происхождению жанрово смежные с лиро-эпической балладой: песня, романс, «сказка в стихах». Так, номинацию «песня» с авторским уточнением мы находим у Н. М. Карамзина («Граф Гваринос. Древняя гишпанская историческая песня», 1792, подзаголовок возник позднее – в 1797 г.) и Н. Ф. Остолопова (см. выше). Впервые жанровое обозначение «баллада» появляется у Карамзина и как будто дополнительно указывает на фольклорную стилизацию в ритмике и образном строе («Раиса», см. выше); этому же пониманию жанра следует Н. Ф. Грамматин (см. выше). На раннем этапе у других авторов мы встречаем обозначение «баллада» по отношению к непривычным в нашем понимании типам художественных текстов. И. И. Дмитриев в 1792 г. использует жанровую номинацию «баллада» для стихотворения в юмористическом ключе («Отставной вахмистр»), но в последующих изданиях снимает этот жанровый подзаголовок, меняя, впрочем, и название, в котором яснее проявилась авторская установка на пародирование («Карикатура», 1803)⁴. У него же мы находим

² В частности, на связь ранней баллады с сентиментальной повестью указывают Л. В. Крестова [1966], Н. Д. Кочеткова [1989, с. 38] и В. Э. Вацура [1999]. О сюжетах сентиментальной повести см.: [Курышева, 2017].

³ «Неверность» готовилась к публикации в задуманном В. А. Жуковским и К. Н. Батюшковым посмертном издании сочинений М. Н. Муравьева. Впервые стихотворение было опубликовано Л. И. Кулаковой по копии, сделанной с авторизованного списка Муравьева «Собрание стихотворений» и содержащей правку В. А. Жуковского [Кулакова, 1967б, с. 348]. Значение «Неверности» в русской балладной традиции, анализ стихотворения представлены в работах: [Душина, 1978, с. 46–47; Сионова, 1995, с. 177–193; Топоров, 2003, с. 89–90, 755; Шумакер, 2015, с. 31–32].

⁴ История редакций представлена в издании, подготовленном Г. П. Макогоненко [1967, с. 412–413, 445]. Анализ баллады, ее редакций, связи с фольклорной традицией: [Травников, Ольшевская, 2006, с. 26–29; Шумакер, 2013].

оригинальную жанровую номинацию, слитую с названием: два балладных опыта названы Дмитриевым «Быль» (1790, <1803>). Несколько позднее Дмитриев использует подзаголовок «баллада» для стихотворения «Старинная любовь» (<1805>), в последних строках которого находим авторские синонимы к номинации балладного жанра – «Красавицы! *песнь эта – быль*» (здесь и далее курсив в цитатах мой. – Л. К.). Совершенно необычное применение номинации «баллада» мы встречаем в выпуске «Приятного и полезного препровождения времени» за 1794 г. по отношению к короткому прозаическому рассказу о добродетельной женщине, взявшей на воспитание сироту, вырастившей ее и счастливо выдавшей замуж⁵. Сюжетную элиминацию, преобладание элегических мотивов и воображаемого разговора с тенью поэта мы находим в стихотворении С. С. Боброва «Баллада Могила Овидия, славного любимца муз» (<между 1792 и 1800>, опубли. в 1804 г.). Таким образом, на раннем этапе становления жанра мы наблюдаем, с одной стороны, вариативность жанровых номинаций для лиро-эпического повествования о персональном драматическом событии, а с другой стороны, неустойчивость представлений о формальной и содержательной составляющих жанра «баллады».

Нередко в позднейших упоминаниях или посмертных изданиях балладные опыты поэтов ушедшего столетия ретроспективно получали новые жанровые номинации. Это произошло с сочинениями М. Н. Муравьева. Его «Романс с каледонского языка переложенный» в издании Российской академии наук в 1813 г. был назван «Каледонским балладом в стихах» (прочитан автором на академическом заседании в 1804 г.) [Кулакова, 1967б, с. 352]. Жанровое обозначение «баллада» к стихотворению «Болеслав, король польский» было добавлено В. А. Жуковским при подготовке сочинений М. Н. Муравьева к печати в 1810 г. [Там же, с. 320–321, 352]. Таков был процесс постепенной кристаллизации представлений о балладном жанре⁶.

Подобная судьба ожидала стихотворную сказку «Флор и Лиза» Княжнина. В посмертном, третьем (1803), и последующих изданиях сочинений автора (1818, 1848) появляются новые и название, и жанровая номинация – «Наказанная неверность. Романс». Тем не менее это произведение может быть отнесено к ранним опытам в балладном жанре с точки зрения характерного сюжета, а также планомерного использования приемов суггестивного повествования, которые придают яркую эмоциональную окраску рассказанной трагической истории⁷.

⁵ Баллада (под криптонимом «К.С.») // Приятное и полезное препровождение времени. М., 1794. Ч. 2. С. 406–410. Экспериментальный характер произведений, написанных русскими авторами до 1800 г., в номинации которых было использовано понятие «баллада», отмечает Петров [2008, с. 64].

⁶ О влиянии на формирование балладного жанра таких лирических жанров, как героида, песня, элегия, романс см.: [Душина, 1973; 1975; Пашкуров, 1997, с. 177–193; Никкарева, 2014].

⁷ Л. И. Кулакова отмечала неточность обеих жанровых номинаций, поскольку «сказка имела обычно шуточный или аллегорический характер, для *романса* же произведение слишком велико», исследовательница определила «Флора и Лизу» как «одну из первых русских *стихотворных новелл*» и заметила, что «эта новелла сентиментальная и по содержанию и по форме» и что рассказанная любовная история «в основных чертах предвосхищает повесть Карамзина “Бедная Лиза”» [Кулакова, 1961, с. 22]. Проблема разграничения жанров баллады и романса на начальном этапе их формирования обозначена в следующих работах: [Акимова, 1980; Гусев, 1988; Яницкая, 2001; Никкарева, 2014]. Уже при завершении работы над статьей я встретила исследовательскую оценку стихотворения Княжнина как баллады: [Веселова, Гуськов, 2003, с. XXXII].

Это объемное произведение, в 35 катренных строф, написанное четырехстопным ямбом с перекрестной рифмовкой и сменой женских и мужских клаузул. Семантику стихотворной формы мы рассмотрим немного позднее, а сейчас обратимся к сюжету. Флор и Лиза, казалось бы, любят друг друга беззаветно. Однако возлюбленный Лизы вероломно готовится вступить в брак с другой. Узнав об этом, девушка умирает, а перед смертью завещает поставить гроб в той церкви, в которой будет совершаться венчание. Там происходит их роковая «встреча»: увидев мертвую возлюбленную, потрясенный жених падает замертво, и несчастные воссоединяются за гробом.

Сюжет «Флора и Лизы» соответствует балладной модификации сюжета «Муж на свадьбе жены», обязательными звеньями которого являются: клятва верности, измена, наступление рокового дня (венчание, свадебный пир), предупреждение свадьбы в последнюю минуту [Вацуру, 2002, с. 97–98]⁸.

Баллада начинается с описания взаимной любви Флора и Лизы. Первые строфы развивают идиллический топос (приведем только первую строфу): «В Москве, обильной красотами, / Прелестна Лизанька цвела: / Самой любви она перстами / Прельщать сотворена была»⁹. Кульминация идиллии приходится на пятую строфу, повествующую о силе взаимной любви: «Любовь в их сердце не взростала: / Нельзя ей было больше быть; / Ко Флору Лиза вся сгорала, / Как Флору Лизы не любить?». В то же время уже с первых строф в повествование включается мотив измены. Это сделано через восклицания повествователя и через описание предчувствий героини: «Ты клялся – трепещи, неверный! – / Ты клялся Лизу в век любить!» (стрф. 4), «Вещала иногда, смутясь: / “Будь верен, счастье в том мое; / А если...” Слезу тут, лияся, / Перерывали глас ее» (стрф. 6), «Святейши клятвы, воздыханья / И все, что есть, употребляя, / Старался утолять страданья / О, варвар, бедную губя!» (стрф. 7).

Как отмечал В. Э. Вацуру, в отличие от эпического мотива верности, в балладе герои становятся антагонистами [Там же, с. 98]. Для Лизы готовящееся предательство возлюбленного скрыто видимостью счастья: ласки содержат яд, радость влечет смерть, рай скрывает ад, вместо брака уготованы смерть и гроб: «Не верь льстецу, о Лиза нежна! / Не верь – его все ласки яд, / Твоя со смертью радость смежна, / В ком видишь рай – увидишь ад» (стрф. 8), «Затменна страстию, не знает, / Что лютой Флор готовит ей; / Одежду брачну та сплетает, / Тот – смерть возлюбленной своей!» (стрф. 10), «Стенет: “Се брачно сочетанье! / Я в гроб иду, а Флор на брак”» (стрф. 17). Столкновение антиномий и афористический стиль, свойственные художественному мышлению Княжнина, задают предельно драматичную и резкую обрисовку конфликта¹⁰.

⁸ О сюжете «Муж на свадьбе жены» в эпическом, сказочном, балладном и новеллистическом изводе: [Сумцов, 1893; Созонович, 1898; Лященко, 1922; Покровский, 1929; Толстой, 1966; Вацуру, 2002].

⁹ Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Княжнин Я. Б. Флор и Лиза. Сказка в стихах* // Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 632–636. Для удобства работы строфы были пронумерованы, в тексте статьи приведены указания только на номера строф.

¹⁰ Л. И. Кулакова характеризовала стиль Княжнина следующим образом: «Одним из любимых риторических приемов Княжнина является столкновение неожиданных, часто контрастных понятий... На контрастах строится и большая часть изречений-афоризмов, которые составляют отличительную, сохраняющуюся во всех жанрах особенность стиля Княжнина» [1961, с. 53]. Те же особенности характерны для его комедий и комических опер: «Склонность к языковой игре выделяет драматургию Княжнина среди произведений его современников. Пожалуй, лишь Фонвизин умел не менее эффектно строить каламбуры и цепи комических алогизмов. Однако в “Бригадире” и “Недоросле” подобные приемы

Причина неверности Флора – это бедность возлюбленной. Тема нарушения клятвы, предательства развита при помощи мотивов блеска истинной добродетели, ослепления страстью или золотом и прозрения: «Колико прелестьми блистает, / Богатством Лиза так бедна. / Всечастно Флора то смущает, – / Не ведает того она» (стрф. 9), «Затменна страстию, не знает, / Что лютый Флор готовит ей» (стрф. 10), «И, златом омрача дух страстный, / Не истребя любовь – затмил» (стрф. 12), «Чем, Флор, я винна пред тобою? / Богатств у Лизы нет твоей; / Ты сыщешь злато со иною – / Не сыщешь ты любви моей» (стрф. 20).

Однако мужской персонаж не представляет собой тип чистого злодея, в его душе сталкиваются корысть и любовь. До времени Флор не подозревает об этом внутреннем конфликте: он уверен, что заглушил чувство любви, он тоже обманывается. Повествователь восклицает: «Ты не забыл ее, несчастный! / А думал только, что забыл» (стрф. 12). В церкви, на венчании, Флор видит мертвое тело бывшей возлюбленной: «Корысть его не утешает, / Над златом верх взяла любовь. / Он видит смерть – и смерть вкушает: / В его хладеет жилах кровь». Итог роковой встречи подготовлен связанными мотивами: вначале – погасшего зрения и молчания (сопровожающие тему смерти Лизы), затем – духовного зрения и пробуждающей совести Флора: «...Раскрыла Лиза томный зрак; / Стенёт <...> Снесите вы мой труп в тот храм, / Где брачно торжество, свершаясь, / Не будет зримо сим очам <...> Флор, смутны взоры обращая, / Так близко Лизы зреть не мнит; / Но совесть, дух его смущая, / Вещает, кто пред ним лежит. / Не знает, отчего трепещет, / И меркнет ясный свет в глазах. / Приблизился... Что в очи блещет? / О, горесть! о, любовь! о, страх! / Безгласная Лиза, чувств лишена / Лыстецу уж пеней не творит, / Но гроб, где Лиза протяженна, / Но гроб за Лизу говорит» (стрф. 17, 22, 25–27).

Внутренний конфликт героя организован по типу конфликта расиновских трагедий, к наследию которого обращался Княжнин в качестве переводчика (как, впрочем, и к двум другим прославленным французским драматургам – Корнелю и Вольтеру)¹¹. Так же, как в расиновской трагедии, страсть берет верх над расчетом и волей и приводит героя к трагическому финалу¹².

Если мы присмотримся, герои баллады Княжнина, их имена и судьбы, связаны с растительной семантикой и темой перехода цветения в увядание. Имя персонажа – Флор – мужской вариант имени богини цветов и плодов Флоры, указывает на его власть и привязанность к Лизе-розе («Ко Флору Лиза вся сгорала, / Как Флору Лизы не любить», стрф. 5)¹³. Имя женского персонажа, Лиза, традиционное в лирической поэзии имя возлюбленной, нередко встречается в лирике Княжнина, а также поэтов-сентименталистов Карамзина, Дмитриева, Муравьева

чаще всего ощущаются как вставные остроты, у Княжнина же они столь многочисленны, что сплетаются между собой и составляют важнейшую, неотъемлемую особенность стиля» [Веселова, Гуськов, 2003, с. XXII]. Как показала Е. Д. Кукушкина на примере перевода трагедии Корнеля «Гораций», даже при работе в качестве переводчика Княжнин обострял трагедийный конфликт через включение в речь персонажей оксюморонов, сближение антонимических понятий [Кукушкина, 2011, с. 372–373].

¹¹ О Княжнине-переводчике: [Кукушкина, 2011; Гуковский, 2013; Демин, 2013].

¹² Ср. очень интересные наблюдения над неоднозначностью побед героев в комедии и комической опере Княжнина: [Веселова, Гуськов, 2003, с. XXVII–XXIX]. Исследователи отмечают «неразрешимость конфликта на проблемном уровне», которая «придает веселью комедиям Княжнина оттенок горечи и тревожности и заставляет подозревать в авторе пессимиста» [Там же, с. XXIX].

¹³ Ср. наблюдения и выводы А. Е. Шумахер о связи имен персонажей и их ролей в балладе Карамзина «Раиса»: [Шумахер, 2015а, с. 66–67].

и др.¹⁴. Помимо общего значения возлюбленной, в этом произведении имя Лизы прочно связано с цветком, розой. Параллель Лиза – роза – цветение поддерживается аллитерационным сочетанием: сонорных *л-р*, звонких *з-в* и глухого *ц*. «...Лизанька *ц*вела ... Как юна роза дней весенних ... Пред солнцем только *р*азверзает / Свою *ц*ветущу роза грудь; / Лишь Флору Лиза дух *в*ручает... Любовь в их сердце не *в*зрастала: / Нельзя ей было больше быть» (стрф. 1–3, 4). После известия об измене Лиза сравнивается с поникшей лилией, аллитерационный ряд сонорных *л-р* и звонких *ж-з* в первых строках строфы сменяется клонящейся интонацией и нарастанием глухих *п-с* и шипящих *ш-ч* согласных: «Как бледна лилия, согбенна, / Падет от тяготы дождей, / Так Лиза вестью той *с*раженна, / Падет, лиша*с*ь красы своей» (стрф. 14), «Заря ее ланит затмила*с*ь, / Чело покрыла смерти мгла...» (стрф. 15). Разворачивание событий от идиллии до трагического финала, встречи жениха и мертвой невесты, обыграно при помощи образов цветения, утра – зари, увядания, померкшего света. Эти мотивы от противопоставления переходят к взаимному переплетению: «Одежду брачну та сплетает / Тот – смерть возлюбленной своей!» (стрф. 10), «...прекрасна тем покрыта, / В чем в брак готовилась она, – / Одежда, розами ушита / Не в брак, но в гроб обновлена» (стрф. 28). Растительная семантика придает сюжету налет фатализма, неизбежного трагического финала. Предполагаю, что в данном случае через «растительный код» проявляется мифопоэтическая основа балладного жанра¹⁵.

Остановимся подробнее на описании роковой «встречи» мертвой девушки и жениха. Обязательным компонентом в сюжет с мертвецом входят мрачные предчувствия. Обещание Лизы прийти на венчание, недосказанность и неопределенность заставляет читателя сначала ожидать появления девушки в образе приведения. Вот ее речь пред смертью, в которой она мысленно обращается к неверному возлюбленному: «Спешишь ты к алтарю с другою / И радость мыслишь там найти; / Я, верно, встречусь там с тобою, / И я туда *п*отщусь *п*рийти» (стрф. 21). В церкви пред обрядом венчания жениха настигает предчувствие страшной встречи: «Флор, *с*мутны взоры обращая, / Так близко Лизы зреть не мнит... *Н*е знает, *от*чего *т*репещет...» (стрф. 25).

О том, кто настоящая невеста в храме, говорит брачная одежда умершей: «Он зрит: прекрасна тем покрыта, / В чем в брак готовилась она, – / Одежда розами ушита, / Не в брак, но в гроб обновлена» (стрф. 28). Далее на контрасте вводится образ лженевесты, которая сияющим золотом наряда подобна заре, но заре с ложной семантикой: «Невеста, к браку поспешая, / Уже супругом Флора чтит / И, златом, как заря блистая, / На крыльях радости летит. / О, страх! жених ее с иною / Во гробе вечно сопряжен» (стрф. 33–34).

Происходит замещение живой невесты мертвой и встреча двух любящих, их соединение навеки: «Он видит смерть – и смерть вкушает: / В его хладеет жилах кровь. / Не плачет он, не въздыхает: / Сего превыше грусть его! / Дрожит, падет и умирает / Преступка жертва своего» (стрф. 31–32). Эмоциональное потрясение жениха, описанное через отрицание каких-либо изъявлений горя, по силе достигает той же степени, что и описанная в начале баллады степень любви Флора и Лизы (ср. «Любовь в их сердце не возрастала / Нельзя ей было больше быть...», стрф. 5).

¹⁴ Об этом: [Топоров, 1995].

¹⁵ Мифопоэтической основой жанра баллады является встреча «здешнего» и «потустороннего» миров с гибельными последствиями (в романтическом варианте «границу переходит персонаж из потустороннего мира» [Магомедова, 2002, с. 40]), архетипическая сюжетная ситуация пересечения границы жизни и смерти [Шумахер, 2015а, с. 3]. См. также работы: [Слесарев, 2003; Козубовская, 2017].

Рассмотрим приемы создания атмосферы экстраординарного события. Умирающая Лиза говорит: «Счастливым страшный – мне приятный, / Уж мой последний близок час» (стрф. 18). Ее высказывание оксюморонной семантикой подготавливает приход ее, мертвой невесты, на свадьбу. Анафоры и повторы организуют технику суггестивного повествования.

Анафоры: «Ты клялся – трепещи, неверный! – / Ты клялся Лизу век любить!» (стрф. 4), «Не верь льстецу, о Лиза нежна! / Не верь – его все ласки яд...» (стрф. 8), «Уж завтра должно б браку быти, / Уж завтра!.. Лиза вне себя...» (стрф. 11), «...Уж мой последний близок час! / Уже меня зовущий, внятный / Я слышу алчной смерти глас» (стрф. 18).

Рефрены: «...Ты сыщешь злато со иною – / Не сыщешь ты любви моей» (стрф. 20), «Спешешь ты к алтарю с другою / И радость мыслишь там найти; / Я, верно, встречу там с тобою, / И я туда потщусь прийти» (21), «Там Флор во брачном одеянье, / А Лиза в темном гробе там... (далее повтор! – Л. К.) Там Флор во брачном одеянье, / А Лиза в темном гробе там» (стрф. 23 и 24).

Ритм анафор и повторов учащается к трагическому финалу: «...Но гроб, где Лиза протяжена, / Но гроб за Лизу говорит» (стрф. 27); «Он зрит: прекрасна тем покрыта, / В чем в брак готовилась она, – / Одежда розами ушита, / Не в брак, но в гроб обновлена. / Он видит те уста любезны, / Его просивши век любить. / Он алчет в те часы преслезны, Но поздно алчет верен быть. / Зрит к сердцу сжаты нежны руки, / Которы он лобзать любил, / Зрит на челе ее все муки, / Которых он виною был. / Корысть его не утешает, / Над златом верх взяла любовь. / Он видит смерть – и смерть вкушает: / В его хладеет жилах кровь» (стрф. 28–31).

Балладный сюжет завершен в 34-й строфе, а заключительная строфа «Флора и Лизы» содержит моралистическое обращение к читателям: «Несчастлива Лиза, Флор несчастный, / О ты, плачевная чета! / Да будет ваш пример ужасный / Горящим в страсти – не мечта» (стрф. 35). Его роль двойка. С одной стороны, дидактически заряженная сентенция облачает рассказанную трагическую историю в одежды «примера», от которого автор предостерегает других страстно влюбленных. По-видимому, структура повествования (история и завершающая ее мораль) обусловила авторское отнесение «Флора и Лизы» к жанру стихотворной сказки. Вспомним французскую традицию завершения сказки моралью, а также разграничение басен и стихотворных сказок у Ж. де Лафонтена (первый жанр формально повествует о животных, во втором жанре действующие персонажи – люди), а также сказки, басни и притчи самого Княжнина. Возвращаясь к заключительной строфе «Флора и Лизы», отметим и дополнительный обертон («пример ужасный») – дистанцию, создаваемую между рассказанной экстраординарной историей и читателями, поскольку персонажи баллады стоят, так сказать, на трагических котурнах.

Формальные характеристики произведения также работают на сюжетную герметичность. Коротко представим версификационную технику Княжнина. Стихотворная форма «Флора и Лизы» – это тридцать пять строф, написанных четырехстопным ямбическим катреном с перекрестной рифмовкой и чередованием женских и мужских клаузул (в алгебраической записи – Я4 АБАБ). Княжнин не выступает в роли новатора. Строфическое членение, выбор катреновой формы, четырехстопного ямба со схемой рифмовки АБАБ входят в частотные предпочтения русских поэтов [Баевский, 1976, с. 53; Лилли, 1997, с. 64; Гаспаров, 2000, с. 60–62; Тарановский, 2010, с. 80]. Размышляя над семантикой балладных форм Муравьева, Л. Н. Душина в делении на строфы обобщенно видит динамическое движение сюжета с оттенком «фатальности» [Душина, 1978, с. 44–48]. Выводы исследовательницы могут быть распространены и на другие баллады; в данном случае четкость стихотворной формы во «Флоре и Лизе», задаваемая делением

на строфы и выбранной метрикой, придает рассказанной истории герметичность и трагическую предначертанность. Полноударная метрическая схема выдержана в половине строк от всего объема стихотворения, что несколько выше статистики, приводимой К. Тарановским¹⁶. Из всех пиррихий «Флора и Лизы», функция которых, по замечанию Тарановского, – придавать «двусложным размерам разнообразие и богатство», обратим внимание на столкновение в одной строке инерции ритма и инерции трехкратного повтора одной синтаксической конструкции: «О, горесть! о, любовь! о страх!» (– / – – – / – /) – пиррихий акцентирует слово «любовь» как главную силу развития трагического сюжета (стрф. 26). Спондей, любимый классицистической поэтикой, усиливает эмоциональность риторических восклицаний и авторской оценки, например: «Зрѹ кáзнѹ здесь каждый лицемерный...» (стрф. 4, сочетание аллитерации и спондея), «...не знает / Чтó лѹтый Флор готовит ей» (стрф. 10). Во «Флоре и Лизе» мы находим только один анжабеман, а именно стихотворный перенос типа *contre-rejet* в первом полустиишии строфы, завершающей балладный сюжет: «О, страх! жених ее *с иною* / Во гробе вечно *сопряжен*» (стрф. 34, «вертикальная» синтаксическая связь предиката и косвенного дополнения выделена курсивом. – Л. К.)¹⁷. Стихотворный перенос композиционно маркирует концовку балладного сюжета и усиливает эмоциональную нагруженность слова «иная» (подразумевается настоящая невеста – Лиза). Строфа описывает потрясение трагическим финалом от лица лженевесты, она перекликается с другой строфой, в которой также эмоциональный акцент падает на слово «иная», но речь ведется от лица Лизы, поэтому под «иной» подразумевается лженевеста: «Твой, Лиза, Флор идет *с иною* / На брак в *тот* день, в *который он* / Был должен внити в храм *с тобою*... / Представьте Лизин горький стон!» (стрф. 13). Эмоциональный накал достигается за счет включения «иной» в рифмованную перекличку антиномий («с иною» – «с тобою»), игру притяжательных, указательных, относительных и личных местоимений («твой», «в тот», «в который», «он», «с тобою»), подчеркивающих алогичность происходящего с Лизой, и через ассонанс ударных гласных с «синтетическим эффектом» (К. Тарановский). Единственный анжабеман акцентирует драматический конец истории о двух влюбленных, которые соединились за гробом навеки.

Наиболее типологически близка «Флору и Лизе» баллада Н. М. Карамзина «Алина» (<1790–1791>)¹⁸. Обе баллады посвящены теме неверности, и обе развивают балладный извод сюжета «Муж на свадьбе жены». Кроме того, сходство заключается в развернутой повествовательной манере и психологизации балладного конфликта через прямой авторский комментарий. Исследователи определяют специфику «Алины» как баллады с чертами психологической новеллы [Шумахер, 2015а, с. 67], называют опыт Карамзина «предвестником русского романа в стихах» [Ефремова, 1999, с. 20]¹⁹.

¹⁶ Согласно К. Тарановскому, процент полноударного ямба в русских стихах XVIII в. составляет от 20,6 до 40,2 %. В то же время процентное соотношение типов пиррихий во «Флоре и Лизе» соответствует частотности форм в русской поэзии XVIII в., выведенной Тарановским [2010, с. 97–99].

¹⁷ Об анжабемане, условием возникновения которого является превалирование силы вертикальных синтаксически связей над горизонтальными см.: [Гаспаров, Скулачева, 2004, с. 11–27; Матяш, 2017а, с. 15–31]. В понимании условий появления стихотворного переноса и его функций мы следуем работам С. А. Матяш: [2017а; 2017б; 2017в].

¹⁸ «Алина» Карамзина отчасти уже становилась предметом литературоведческого анализа: [Душина, 1973; Шумахер, 2015а, с. 67–72].

¹⁹ Другой тип баллады – стилизация народной баллады, в которой подражание фольклорной стилистике выражается в ритмике стиха, в усиленной лирической струе, в употреблении словесных оборотов и образов устного народного творчества. В этих балладах,

Кратко напомним сюжет баллады Карамзина. Алина и Милон полюбили друг друга, соединились в браке, однако человеческое сердце непредсказуемо и переменчиво. Алина, почувствовав охлаждение мужа, решает пожертвовать собой во имя его счастья с другой женщиной. Она отравляет себя, чтобы дать ему возможность соединиться с любимой. Осознав жертву жены, муж остается безутешным и хранит верность умершей жене. Схема балладного сюжета «Муж на свадьбе жены» (клятва верности, измена, роковой день, предупреждение свадьбы) реализована полностью, хотя героиня стремится приблизить свадьбу мужа с другой женщиной, а не предотвратить ее.

Как и баллада Княжнина, «Алина» Карамзина начинается с картин идиллического плана, которые рисуют гармоническое устройство мира, частью которого, казалось бы, является взаимная любовь: «...Где Сона светлыми водами / Кропит зеленые брега, / Сады, цветущие луга, / Алина милая родилась; / Пленяла взоры красотой, / А души Ангельской душой <...> Друг друга вечно обожать они клялись чистосердечно»²⁰. Хотя обе баллады близки неоднозначностью образа изменника и обращением к теме сложности внутреннего мира человека, сюжетный конфликт – неверность возлюбленного – психологизируется у Княжнина и Карамзина принципиально по-разному.

Во «Флоре и Лизе» ситуация измены подается как экстраординарное событие, Карамзин, напротив, прозаизирует измену. Описанный конфликт универсален, предмет авторской рефлексии – человеческая природа, всеобщий земной закон пресыщения, переменчивое сердце: «Но что в минутной жизни вечно? / Что клятва? – искренний обман! / Что сердце? – ветреный тиран! Оно в желаньях своевольно, / И самым счастьем – недовольно <...> Любовь, восторг, холодность смежны. / Увы! почтожь сей пламень нежный / Не вместе гаснет в двух сердцах?»²¹. Анаграмматическое взаимное отражение имен – Алина и Милон ('лин' – 'мил', 'лин' – 'илон') привносит семантику таинственной связи судеб их носителей. В то же время имена звучат очень близко к тому, как если бы это были не имена, а местоимения – некая *она* (Алина) и некий *он* (Милон), и таким образом придают любовной истории общечеловеческий характер.

История о вспыхнувшей любви и охлаждении обыкновенна, однако последующий ход событий по-балладному далек от ординарности. «Чувствительность», «нежное сердце» подвигает Алину к жертвенному шагу: «Ах, сердце друга потерять, / И щастию его мешать / В другом любимом им предмете, / Лютее всех мучений свете!» (ср. в первой строфе, которая представляет собой вступление, обращение к Чувствительности, «дару... Небес», и читателям, обладающим «нежными сердцами»). Развязка баллады неожиданна: вопреки всеобщему закону переменчивости сердца, муж сохраняет верность умершей жене с надеждой на грядущее соединение за гробом: «Живой Алине изменил, / Но хочет верным быть ей мертвой!». Раскаявшийся изменщик, будучи живым, уже принадлежит иному миру – загробному, идеальному, в котором властвуют вечные ценности (ср.

лишенных протяженного повествования, событие сконцентрировано на героине (героях) в момент отчаяния и гибели. Состояние героя передается при помощи психологического пейзажа, прямой авторский комментарий сведен к минимуму. К такому типу баллад относятся следующие произведения с сюжетом о вероломной любви: «Неверность» Муравьева, «Раиса» Карамзина, «Бедная Дуня» Остолопова, «Услад и Всемила» Грамматина.

²⁰ Здесь и далее цитаты из баллады без указания страниц по изданию: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 313–317.

²¹ Об этапах изображения внутренней жизни человека в творчестве Карамзина см.: [Кудреватых, 2009]. Об интересе Карамзина-художника к ситуации любовной измены: [Шумахер, 2015а, с. 60–74].

с предсмертными словами Алины: «Есть мир другой, где нет измены, / Нет скуки, в чувствах перемены: / Там ты увидишься со мной, / И там, надеюсь, будешь мой!»).

В отличие от растительного кода, который лежит в основе мифопоэтического описания любви Флора и Лизы, развитие и угасание любви в «Алине» описано метафорами огня и жара, а также образами цветения, увядания, водных струй и воздушного тока²². Всё это образы переменчивых состояний и стихий. Уже в начале развития отношений Алины и Милона возникает сложная метафора, соединившая образы скрытого огня – цветения и умирания: «Осыпанный любви цветами... Как в пламенных ея очах / Стыдливость с нежностью сражалась, / Грудь тихо, тайно волновалась / И розы тлели на устах». Найденный Карамзинным образ тлеющих на губах роз играет пересечением смыслов – яркого увядания цветов и приглушенного тления углей.

Сложность, текучесть жизни Карамзин передает с помощью версификационной техники. В качестве стихотворной формы Карамзин выбирает нестрофический четырехстопный ямб (членение на строфоиды различной длины) с неурегулированной (вольной) рифмовкой²³. Как отмечает Л. Н. Душина, «в “Алине” художественная условность “работала” на воспроизведение иллюзии реального чувства, свободно и прихотливо развивающегося во внешних обстоятельствах, и размытое, не скованное строфой повествование как нельзя больше отвечало правдоподобию этой иллюзии» [Душина, 1975, с. 9]. Кроме вольной рифмовки и строфоидов неурегулированной длины иллюзию свободно текущего повествования поддерживает активно применяемый в «Алине» стихотворный перенос, в том числе «затяжной» [Матяш, 2017а, с. 329, примеч.]²⁴. Использование анжамбемана служит обозначению темы во введении («Чувствительность! сколь ты прекрасна, / Мила – но в действиях несчастна!...»), прозаизации повествования («И самым щастьем! – Так Милон, / Осыпанный любви цветами, / Ея нежнейшими дарами, / Вдруг стал задумчив. Часто он, / Ласкаемый подругой милой, / Имел вид томной и унылой...») и эмоциональному повышению («Неблагодарные! За чем / В жару любви нетерпеливой / И в исступлении своем, / Вы Небо смертью оскорбили? / Ах! мне бы слезы ваши были / Столь милы, как... любовь моя!»), акцентирует неожиданную сюжетную развязку («Супруг, как громом пораженный, / Хотел идти за нею в след; / Но гласом дружбы убежденный, / Остался жить. Он слезы льет...») (преобладает тип *contre-rejet*, в последнем примере *rejet*, «вертикальные» синтаксические связи выделены курсивом. – Л. К.)²⁵.

В художественный контекст баллады «Алина» в «Письмах русского путешественника» входят два «чужих» текста, а именно истории о несчастливой любви – Аманды и Амандуса (роман), Терезы и Фальдони (городская легенда). Не вполне достоверные, но красивые истории о несчастных влюбленных (путешественник не нашел их могил) призваны оттенить достоверность и безыскусность «печального

²² О метафорах бездны, грома, грозы, огня и жара в балладах Карамзина: [Шумахер, 2015а, с. 74–75].

²³ Хотя из строфических форм Карамзин отдавал предпочтение катренам с чередующимися нечетными женскими и четными мужскими клаузулами, эта форма коррелирует у Карамзина с жанром песни [Ефремова, 1999, с. 101, 103]. (Исследовательница в качестве примера приводит «Графа Гваринуса», хотя другие исследователи предпочитают относить его к жанру баллады.)

²⁴ «...Сдержанное употребление переносов для XVIII в. было типично. На обрисованном фоне Карамзин предстает стихотворцем, применяющим *enj* достаточно активно» [Матяш, 2017а, с. 326].

²⁵ О художественных функциях переносов у Карамзина см.: [Матяш, 2017в].

лионского анекдота»²⁶. Диалог Путешественника и Госпожи Н*, предшествующий балладе, раскрывает поэтическое задание, по которому сложена «Алина»: «Вот вам материя. Дайте мне слово описать это приключение в Русских стихах.» – Охотно; но позвольте немного украсить. – «Ни мало. Скажите только, что от меня слышали.» – Это слишком просто. – «Истина не требует украшений.» – По крайней мере в рассказ можно вместить некоторые мысли, нравственные истины. – «Дозволяю. Сдержите слово» (Карамзин, 1984, с. 313).

Провозглашен принцип простоты и безыскусности. Карамзин достигает эффекта преобладающей прихотливой жизненной стихии, которая на формальном уровне как бы «взламывает» стихотворные правила. Пожалуй, лишь одна авторская сентенция («нравственная истина») не оказывается размытой вольной рифмовкой, несовпадением синтаксического и строчного, синтаксического и строфического членения, прозаизирующим анжабеманом. Напротив, литая афористичность поддерживается совпадением окончания строки и синтаксической фразы, парной рифмовкой и параллелизмом синтаксических конструкций, усиленных употреблением оксюморонов: «Что клятва? – искренний обман! / Что сердце? – ветренный тиран!». Это высказывание становится квинтэссенцией идеи переменчивости человеческого сердца.

Обрисует в итоге балладные стратегии Я. Б. Княжнина («Флор и Лиза») и Н. М. Карамзина («Алина»). Обе баллады посвящены теме любовной измены и в развернутой повествовательной манере представляют извод сюжета «Муж на свадьбе жены», который завершается переходом в мир мертвых и воссоединением любовников. В балладе Княжнина все события – любовь, измена и воссоединение любовников в смерти – представлены как экстраординарные. Трагический финал обусловлен таинственной связью судеб двух персонажей, подкрепляемой мифопоэтикой «растительного кода». Версификационная техника (катреновая строфа с четырехстопным ямбом, перекрестной рифмовкой и сменой женских и мужских клаузул) подчеркивает герметичность любовной истории.

В балладе Карамзина эпизоды трагической истории обусловлены сочетанием универсальных законов человеческого бытия и роковой связи персонажей. Экстраординарное балладное событие заключается в духовном соединении любовников вопреки их пребыванию в разных мирах, земном и небесном. Мифопоэтическую основу сюжета составляют образы переменчивых стихий и природы. Версификационная техника (нестрофический четырехстопный ямб с вольной рифмовкой) «поддерживает» идею текучести, прихотливости жизненной стихии.

У каждого из авторов выбранная стихотворная форма была использована при создании стихотворений в других поэтических жанрах. Княжнин применяет катреновую строфу с четырехстопным ямбом, перекрестной рифмовкой и сменой женских и мужских клаузул в стансах («Стансы богу» <1780>, «Стансы на смерть» 1790 (?)) и «Воспоминаниях старика (1790 (?))». Карамзин, помимо «Алины», использует нестрофический четырехстопный ямб с неурегулированной рифмовкой при создании посланий [Ефремова, 1999, с. 96].

Русская баллада конца XVIII – начала XIX в. представлена разнообразными версификационными формами. Обобщения по этому вопросу еще только предстоят. Отметим только, что среди современников Княжнина подобную стихотворную форму для баллады (членение на четверостишия, Я4 АБАБ) выбирает И. И. Дмитриев при создании обеих «Былей» (1790; <1803>).

Нестрофический четырехстопный ямб чрез жанр дружеских посланий, через баллады «Алина» Н. М. Карамзина и «Ермак» (1794) И. И. Дмитриева переходит

²⁶ См. также интерпретацию роли этих текстов в диссертации А. Е. Шумахер: [Шумахер, 2015, Русская литературная баллада..., с. 70–71].

в жанр романтической поэмы [Гаспаров, 1995, с. 63]. В дальнейшем, размером романтических баллад стал 4343-стопный ямб с рифмовкой аБаБ и абаб [Гаспаров, 1997, с. 7].

После «Флора и Лизы» Княжнина и «Алины» Карамзина сюжет «Муж на свадьбе жены» с эпизодом появления мертвеца используется в прозаическом сочинении Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» (1973), в многочисленных русских балладах, первые из которых «Людмила» (1808) В. А. Жуковского и «Усад и Всемила» (1810) Н. Ф. Грамматина²⁷. Под влиянием «Леноры» немецкого поэта А.-Г. Бюргера для отечественной романтической баллады сюжет с появлением мертвого жениха стал одним из «ядерных».

Список литературы

- Акимова Т. М. «Русская песня» и романс первой трети XIX века // Русская литература. 1980. № 2. С. 36–45.
- Александровская М. А. Становление жанра баллады в русской поэзии второй половины XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 159 с.
- Баевский В. С. Строфика современной лирики в отношении к строфике народной поэзии // Проблемы стиховедения. Ереван, 1976. С. 51–67.
- Вацуро В. Э. Н. М. Карамзин. «Остров Борнгольм». «Сиерра-Морена» // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 78–104.
- Вацуро В. Э. «Сиерра-Морена» Н. М. Карамзина и литературная традиция // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). С. 327–336.
- Веселова А. Ю., Гуськов Н. А. Комедии Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Комедии и комические оперы / Сост., вступ. ст., коммент. А. Ю. Веселовой, Н. А. Гуськова. СПб.: Гиперион, 2003. С. III–LV. (Российская драматическая библиотека. III)
- Гаспаров М. Л. Предисловие // Лилли И. Динамика русского стиха. М., 1997. С. 3–8.
- Гаспаров М. Л. Строфика нестрофического ямба в русской поэзии XIX века // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 60–82.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. 283 с.
- Гугнин А. А. Постоянство и изменчивость жанра // Эолова арфа: Антология баллады. М., 1989. С. 7–26.
- Гуковский Г. А. Расин в России в XVIII веке. Перевод с французского языка и примечания А. О. Демина // XVIII век. СПб.: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2013. Т. 27. С. 434–480.
- Гусев В. Е. Песни, романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 5–54.
- Демин А. О. Перевод и подражание трагедии Ж. Расина «Береника» в трагедии Я. Б. Княжнина «Дидона» // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. С. 182–190.
- Душина Л. Н. М. Н. Муравьев и русская баллада // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1978. Вып. 3. С. 39–49.

²⁷ О «Сиерре-Морене» и ее связи с балладной традицией см.: [Вацуро, 2002]. О влиянии «Леноры» Бюргера и русских вариациях сюжета: [Созонович, 1898; Канунова, 2001].

Душина Л. Н. На жанровом «переломе» от романа к балладе // XXVI Герценовские чтения. Литературоведение: научные доклады. Л.: [б. и.], 1973. С. 21–25.

Душина Л. Н. Поэтика русской баллады в период становления жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975. 19 с.

Ермоленко С. И. Баллада М. Ю. Лермонтова в истории русского балладного жанра: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1983. 221 с.

Ефремова Е. В. Стихотворное наследие Николая Михайловича Карамзина: проблемы поэтики и версификации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 207 с.

Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 138–163.

Иезуитова Р. В. Из истории русской баллады 1790-х – первой половины 1820-х гг. (Жуковский и Пушкин): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 19 с.

Канунова Ф. З. Трансформация сюжетного мотива возвращения жениха-мертвеца за своею невестой в балладах В. А. Жуковского // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2001. Вып. 4: Интерпретация текста: Сюжет и мотив. С. 77–88.

Козубовская Г. П. Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт // Культура и текст. 2017. № 1 (28). С. 98–124.

Кочеткова Н. Д. Проблемы изучения литературы русского сентиментализма // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 32–43.

Крестова Л. В. Повесть Карамзина «Сьерра-Морена» // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л.: Наука, 1966. С. 261–266.

Кудреватых А. Н. Эволюция психологизма в прозе Н. М. Карамзина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 203 с.

Кукушкина Е. Д. Трагедия П. Корнеля «Гораций» в переводе Я. Б. Княжнина // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 368–423.

Кулакова Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 5–58. (Библиотека поэта. Большая серия)

Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // *Муравьев М. Н.* Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967а. С. 5–49. (Библиотека поэта. Большая серия)

Кулакова Л. И. Примечания // *Муравьев М. Н.* Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967б. С. 317–360. (Библиотека поэта. Большая серия)

Курьшева Л. А. Сентиментальная нарративная проза о несчастливой любви (к моральному разделу Словаря сюжетов и мотивов русской литературы) // Сюжетология и сюжетология. 2017. № 2. С. 14–56.

Лилли И. Динамика русского стиха. М., 1997. 126 с.

Ляценок А. И. Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде // *Sertum bibliologicum*. Сборник в честь проф. А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 94–136.

Магомедова Д. М. К специфике сюжета романтической баллады // Поэтика русской литературы (К 70-летию проф. Ю. В. Манна): Сб. ст. М.: РГГУ, 2002. С. 39–44.

Макогоненко Г. П. Другие редакции и варианты. Примечания // Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 403–470.

Маркович В. М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987. С. 138–165.

- Матвеева С. А. О типологии функции стихотворных переносов (enjambements) в русской поэзии // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2017б. № 6 (206). С. 42–48.
- Матвеева С. А. О функциях стихотворных переносов (enjambements) Н. М. Карамзина // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2017в. № 1 (201). С. 98–103.
- Матвеева С. А. Стихотворный перенос (enjambement) в русской поэзии (очерки теории и истории). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017а. 464 с.
- Никкарева Е. В. Литературный романс и баллада: проблема разграничения // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2014. № 2 (2). С. 249–252.
- Пащуров А. Н. Жанровые особенности поэзии М. Н. Муравьева: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997. 268 с.
- Петров А. В. «Балладные потенции» в поэтическом творчестве М. Н. Муравьева // Муравьев и его время: Сб. ст. и материалов круглого стола «Муравьев и его время», состоявшегося в рамках пятой республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвященной памяти Т. А. Геллер. Казань, 2008. Вып. 5, ч. 2. С. 64–69.
- Покровский М. М. Этюды по Гомеровскому вопросу и русской народной поэзии (Номегиса, I) // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1929. № 5. С. 343–368.
- Сионова С. А. Поэзия Муравьева (К проблеме становления предромантизма в русской литературе второй половины XVIII века): Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1995. 169 с.
- Слесарев А. Г. Мифическое начало жанра баллады: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 205 с.
- Созонович И. К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию. Варшава: Тип. Варшавского Учебного округа, 1898. 567 с.
- Сумцов Н. Ф. Муж на свадьбе жены // Этнографическое обозрение. Издание Этнографического отдела Имп. Общ. Люб. естествознания, антропологии и этнографии, сост. при Моск. ун-те. 1893. № 4. Кн. 19. С. 1–25, 151.
- Тарановский К. Русские двусложные размеры // Тарановский К. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер с серб. В. В. Сонькина; под ред. В. Тарановской-Джонсон, Дж. Бейли, А. В. Прохорова. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 13–363.
- Толстой И. И. Возвращение мужа в «Одиссее» и в русской сказке // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 55–72.
- Топоров В. Н. Имя и образ Лизы в русской литературе XVIII века // Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 393–478.
- Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: введение в творческое наследие. Кн. 2. М., 2003. 928 с.
- Травников С. Н., Ольшевская Л. А. «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет» (фольклорные и литературные истоки русской классической баллады) // Русская баллада: История и теория жанра: Сб. науч. ст. М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2006. С. 3–33.
- Шумахер А. Е. Жанр баллады в творчестве И. И. Дмитриева // Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 124–133.
- Шумахер А. Е. Разновидности балладного жанра в поэзии М. Н. Муравьева // Вестник Том. гос. ун-та. 2015б. № 395. С. 31–39.
- Шумахер А. Е. Русская литературная баллада конца XVIII – начала XIX века: сюжетно-мотивный репертуар и жанровые границы: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015а. 170 с.

Яницкая С. С. Романс в творчестве Ю. А. Нелединского-Мелецкого // Проблемы изучения литературы XVIII века. Санкт-Петербург; Самара: Рос. пед. гос. ун-т им. А. И. Герцена, Самар. гос. пед. ун-т, 2001. С. 194–198.

Список источников

Княжнин Я. Б. Флор и Лиза. Сказка в стихах // Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 632–636. (Библиотека поэта. Большая серия)

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 716 с. (Сер.: Литературные памятники)

L. A. Kuryшева

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Ya. B. Knyazhnin's Tale in Verses *Flor and Lisa* in the Context of Early Russian Ballads

One of the popular plots of the Russian literary ballad of the last third of the 18th – the first decade of the 19th century was the story of treacherous love. Ya. B. Knyazhnin's *Flor and Lisa. A Tale in Verses* (1778) is one of the first Russian ballads. In addition, this is the first Russian ballad with the appearance of the dead man – the plot situation is so productive in the subsequent, romantic period.

It is characteristic that at the early stage of the formation of a new literary genre, the nomination “ballad” does not appear for all authors. Poets get along either without a genre designation, or use more familiar nominations, genres in origin related to a lyro-epic ballad: song, romance, “fairy tale in verses”. We observe, on the one hand, the variability of genre nominations for the lyric-epic narration of a personal dramatic event, and on the other hand, the instability of ideas about the formal and substantive components of the genre of “ballad”.

The most typologically close to *Flor and Lisa* is the N. M. Karamzin's ballad *Alina* (<1790–1791>). Both ballads are devoted to the theme of infidelity and both develop a ballad version of the fairy-tale plot “The husband at the wife's wedding”, which ends with the transition to the world of the dead and the reunion of lovers. In addition, the similarity lies in a detailed narrative manner and the psychologization of the ballad conflict through direct author commentary.

In *Flor and Lisa*, all events – love, betrayal and the reunion of lovers in death – are presented as extraordinary. The tragic ending is due to the mysterious connection of the fate of the two characters, reinforced by the mythology of the “plant code”. The verification technique (quatrains, four-footed iambic, cross-rhyme, alternating female and male clauses) emphasizes the tightness of the love story.

In Karamzin's *Alina*, the course of action is due to a combination of universal laws of human existence and the fateful connection of characters. The ballad event is the final union of lovers, despite their stay in different worlds, earthly and heavenly. The mythopoetic basis of the plot is composed of images of changing elements and nature. The verification technique (non-strophic four-foot iambic with free rhyme) supports the idea of fluidity, whimsicality of the elements of life.

Keywords: Russian literature of 18th – early 19th century, motives, plots, ballad, Ya. B. Knyazhnin, N. M. Karamzin, fairy-tale plot “The husband at the wife's wedding”.

References

- Akimova T. M. "Russkaya pesnya" i romans pervoj treti XIX veka ["Russian Song" and the romance of the first third of the 19th century]. *Russkaya literature [Russian Literature]*, 1980, no. 3, p. 36–45. (in Russ.)
- Aleksandrovskaya M. A. Stanovlenie zhanra ballady v russkoj poezii vtoroj poloviny XVIII veka [Formation of the ballad genre in Russian poetry of the second half of the 18th century]. Philol. Cand. Dis. Moscow, 2004, 159 p. (in Russ.)
- Baevskiy V. S. Strofika sovremennoj liriki v otnoshenii k strofike narodnoj poezii [The modern poetry's stanza in relation to the folk poetry's stanza]. In: Problemy stikhovedeniya [Poetry's Problems]. Erevan, 1976, p. 51–67. (in Russ.)
- Vatsuro V. E. N. M. Karamzin. "Ostrov Borngolm". "Sierra-Morena" [N. M. Karamzin. "The island of Borngolm". "Sierra Morena"]. In: Vatsuro V. E. Goticheskiy roman v Rossii [Gothic novel in Russia.]. Moscow, 2002, p. 78–104. (in Russ.)
- Vatsuro V. E. "Sierra-Morena" N. M. Karamzina i literaturnaya tradiciya [The Karamzin's "Sierra Morena" and the Literary Tradition]. In: XVIII vek [The 18th century]. St. Petersburg, 1999, iss. 21, p. 327–336. (in Russ.)
- Veselova A. Yu., Guskov N. A. Komedii Ya. B. Knyazhnina [Ya. B. Knyazhnin's Comedy]. In: Knyazhnin Ya. B. Komedii i komicheskie opery [Knyazhnin Ya. B. Comedy and comic operas]. St. Petersburg, 2003, p. III–LV. (in Russ.)
- Gasparov M. L. Predislovie [Foreword]. In: Lilly Y. Dinamika russkogo stiha [The dynamics of Russian verse]. Moscow, 1997, p. 3–8. (in Russ.)
- Gasparov M. L. Strofika nestroficheskogo yamba v russkoj poezii XIX veka [Strophics of a non-trophic iamb in Russian poetry of the 19th century]. In: Gasparov M. L. Izbrannye stat'i [Featured Articles]. Moscow, 1995, p. 60–82. (in Russ.)
- Gasparov M. L. Ocherk istorii russkogo stiha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika [Essay on the Russian verse's history. Metrics. The rhythm. Rhyme. Strophics]. Moscow, 2000, 352 p. (in Russ.)
- Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Stat'i o lingvistike stiha [Articles on Linguistics Verse]. Moscow, 2004, 283 p. (in Russ.)
- Gugnin A. A. Postoyanstvo i izmenchivost' zhanra [Consistency and variability of the genre]. In: Eolova arfa: Antologiya ballady [Aeolian harp: Anthology of a ballad]. Moscow, 1989, p. 7–26. (in Russ.)
- Gukovskiy G. A. Rasin v Rossii v XVIII veke. Perevod s frantsuzskogo yazyka i primechaniya A. O. Demina [Racine in Russia in the 18th century. Translation from French and notes by A. O. Demin]. In: XVIII vek [The 18th century]. St. Petersburg, 2013, iss. 27, p. 434–480. (in Russ.)
- Gusev V. E. Pesni, romansy, ballady russkikh poetov [Songs, romances, ballads of Russian poets]. In: Pesni russkikh poetov [Songs of Russian poets]. In 2 vols. Leningrad, 1988, vol. 1, p. 5–54. (in Russ.)
- Demin A. O. Perevod i podrazhanie tragedii Zh. Rasina "Berenika" v tragedii Ya. B. Knyazhnina "Didona" [Translation and imitation of the tragedy of J. Rasin "Berenice" in the tragedy of Ya. B. Knyazhnin "Dido"]. In: Chteniya Otdela russkoj literatury XVIII veka [Readings of the Department of Russian Literature of the 18th Century]. St. Petersburg, 2013, iss. 7, p. 182–190. (in Russ.)
- Dushina L. N. M. N. Muravijov i russkaya ballada [M. N. Muravijov and the Russian ballad]. In: Problemy izucheniya russkoj literatury XVIII veka [Problems of studying Russian literature of the 18th century]. Leningrad, 1978, iss. 3, p. 39–49. (in Russ.)
- Dushina L. N. Na zhanrovom "perelome" ot romansa k ballade [On the genre "turning point" from romance to ballad]. In: XXVI Gertsenovskie chteniya. Literaturovedenie: nauchnye doklady [XXVI Herzen readings. Literary criticism: scientific reports]. Leningrad, 1973, p. 21–25. (in Russ.)
- Dushina L. N. Poetika russkoj ballady v period stanovleniya zhanra [Poetics of the Russian ballad during the formation of the genre]. Abstract of Philol. Cand. Dis. Leningrad, 1975, 19 p. (in Russ.)
- Ermolenko S. I. Ballada M. Yu. Lermontova v istorii russkogo balladnogo zhanra [M. Yu. Lermontov's Ballad in the history of the Russian ballad genre]. Philol. Cand. Dis. Sverdlovsk, 1983, 221 p. (in Russ.)

Efremova E. V. Stikhotvornoe nasledie Nikolaya Mikhailovicha Karamzina: problemy poetiki i versifikatsii [The poetic heritage of Nikolai Mikhailovich Karamzin: problems of poetics and versification]. Philol. Cand. Dis. Moscow, 1999, 207 p. (in Russ.)

Iezuitova R. V. Ballada v epohu romantizma [Ballad in the era of romanticism]. In: Russkiy romantizm [Russian romanticism]. Leningrad, 1978, p. 138–163. (in Russ.)

Iezuitova R. V. Iz istorii russkoj ballady 1790-kh – pervoj poloviny 1820-kh gg. (Zhukovskiy i Pushkin) [From the history of the Russian ballad of the 1790s – the first half of the 1820s. (Zhukovsky and Pushkin)]. Abstract of Philol. Cand. Dis. Leningrad, 1966, 19 p. (in Russ.)

Kanunova F. Z. Transformatsiya syuzhetnogo motiva vozvrashcheniya zhenikha-mertvetsa za svoeyu nevestoj v balladakh V. A. Zhukovskogo [Transformation of the plot's motive of the return of the dead man's bride for his bride in the ballads of V. A. Zhukovsky]. In: Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoj literatury. Novosibirsk, 2001, iss. 4, p. 77–88. (in Russ.)

Kozubovskaya G. P. Pushkinskiy zimnedorozhnyy tscikl: balladnyy plast [Pushkin winter-road cycle: ballad layer]. *Kul'tura i tekst [Culture and Text]*, 2017, no. 1 (28), p. 98–124. (in Russ.)

Kochetkova N. D. Problemy izucheniya literatury russkogo sentimentalizma [Problems of studying the literature of Russian sentimentalism]. XVIII vek [The 18th century]. Leningrad, 1989, iss. 16, p. 32–43. (in Russ.)

Krestova L. V. Povesť Karamzina “S'erra-Morena” [The Karamzin's “Sierra Morena”]. In: Rol' i znachenie literatury XVIII v. v istorii russkoj kul'tury [The role and significance of the literature of the 18th century. in the history of Russian culture]. Moscow, Leningrad, 1966, p. 261–266. (in Russ.)

Kudrevatykh A. N. Evolyutsiya psikhologizma v proze N. M. Karamzina [The evolution of psychologism in the N. M. Karamzin's prose]. Abstract of Philol. Cand. Dis. Ekaterinburg, 2009, 203 p. (in Russ.)

Kukushkina E. D. Tragediya P. Kornelya “Goratsiy” v perevode Ya. B. Knyazhnina [The tragedy of P. Corneille “Horace” in the translation of Ya. B. Knyazhnin]. XVIII vek [The 18th century]. St. Petersburg, 2011, iss. 26, p. 368–423. (in Russ.)

Kulakova L. I. Zhizn' i tvorchestvo Ya. B. Knyazhnina [Life and work of Ya. B. Knyazhnin]. In: Knyazhnin Ya. B. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Leningrad, 1961, p. 5–58. (in Russ.)

Kulakova L. I. Poeziya M. N. Muraviyova [Poetry of M. N. Muraviyov]. In: Muravioev M. N. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, 1967, p. 5–49. (in Russ.)

Kulakova L. I. Primechaniya [Notes]. In: Muraviyov M. N. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, 1967, p. 317–360. (in Russ.)

Kuryшева L. A. Sentimental'naya narrativnaya proza o neschastlivoj lyubvi (k mortal'nomu razdelu Slovarya syuzhetov i motivov russkoj literatury) [Sentimental narrative prose on unhappy love (for the Mortal Section of the Dictionary-Index of plots and motives of the Russian literature)]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology]*, 2017, no. 2, p. 14–56. (in Russ.)

Lilly Y. Dinamika russkogo stikha [The dynamics of Russian verse]. Moscow, 1997, 126 p. (in Russ.)

Lyashchenko A. I. Byliny o Solov'e Budimiroviche i saga o Garal'de [Epics about the Solovey Budimirovich and the saga of Harald]. In: Sertum bibliologicum. Petrograd, 1922, p. 94–136. (in Russ.)

Magomedova D. M. K spetsifike syuzheta romanticheskoy ballady [To the specifics of the plot of a romantic ballad]. In: Poetika russkoj literatury (K 70-letiyu prof. Yu. V. Manna) [Poetics of Russian literature (To the 70th anniversary of Prof. Yu. V. Mann)]. Moscow, 2002, p. 39–44. (in Russ.)

Makogonenko G. P. Drugie redaktsii i varianty. Primechaniya [Other editions and options. Notes]. In: Dmitriev I. I. Polnoe sobranie stikhotvoreniy [Complete collection of poems]. Leningrad, 1967, p. 403–470. (in Russ.)

Markovich V. M. Balladnyy mir Zhukovskogo i russkaya fantasticheskaya povest' epokhi romantizma [The ballad world of Zhukovsky and the Russian fantastic novel of the era of romanticism]. In: Zhukovskiy i russkaya kul'tura [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad, 1987, p. 138–165. (in Russ.)

Matyash S. A. O tipologii funktsii stikhotvornykh perenosov (enjabements) v russkoj poezii [On the typology of the function of poetic transfers (enjabements) in Russian poetry]. *Vestnik*

Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [*Bulletin of the Orenburg State University*], 2017, no. 6 (206), p. 42–48. (in Russ.)

Matyash S. A. O funktsiyakh stikhotvornyykh perenosov (enjabements) N. M. Karamzina [On the functions of poetic hyphenations (enjabements) by N. M. Karamzin]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Orenburg State University*], 2017, no. 1 (201), p. 98–103. (in Russ.)

Matyash S. A. Stikhotvornyy perenos (enjambement) v russkoy poezii (ocherki teorii i istorii) [Poetic transfer (enjambement) in Russian poetry (essays on theory and history)]. St. Petersburg, 2017, 464 p. (in Russ.)

Nikkareva E. V. Literaturnyy romans i ballada: problema razgranicheniya [Literary romance and ballad: the problem of differentiation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Filologiya* [*Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Philology*], 2014, no. 2 (2), p. 249–252. (in Russ.)

Pashkurov A. N. Zhanrovye osobennosti poezii M. N. Murav'yova [Genre features of the poetry of M. N. Murav'yov]. Philol. Cand. Dis. Kazan, 1997, 268 p. (in Russ.)

Petrov A. V. “Balladnye potentsii” v poeticheskom tvorchestve M. N. Murav'yova [“Ballad Potencies” in M. N. Murav'yev's Poetry]. In: Murav'yov i ego vremya [Murav'yov and his time]. Kazan, 2008, iss. 5, pt. 2, p. 64–69. (in Russ.)

Pokrovskiy M. M. Etyudy po Gomerovkomu voprosu i russkoy narodnoy poezii (Homeric, I) [Etudes on the Homeric Question and Russian Folk Poetry (Homeric, I)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [*News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of literature and language*], 1929, no. 5, p. 343–456. (in Russ.)

Sionova S. A. Poeziya Murav'yova (K probleme stanovleniya predromantizma v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII veka) [Murav'yov's poetry (On the problem of the formation of pre-romanticism in Russian literature of the second half of the 18th century)]. Philol. Cand. Dis. Elets, 1995, 169 p. (in Russ.)

Slesarev A. G. Mificheskoe nachalo zhanra ballady [The mythical beginning of the ballad genre]. Philol. Cand. Dis. Moscow, 2003, 205 p. (in Russ.)

Sozonovich I. K voprosu o zapadnom vliyani na slavyanskuyu i russkuyu poeziyu [On the issue of Western influence on Slavic and Russian poetry]. Warszawa, 1898, 567 p. (in Russ.)

Sumtsov N. F. Muzh na svad'be zheny [Husband at the wedding of his wife]. In: *Etnograficheskoe obozrenie. Izdanie Etnograficheskogo otdela Imperatorskogo Obshchestva Lyubiteley Estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [Ethnographic review. Edition of the Ethnographic Department of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography]. Moscow, 1898, no. 4, vol. 19, p. 1–25, 151. (in Russ.)

Taranovskiy K. Russkie dvuslozhnye razmery [Russian two-syllable sizes]. In: Taranovskiy K. Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe [Russian two-syllable sizes. Articles about the verse]. Moscow, 2010, p. 13–363. (in Russ.)

Tolstoy I. I. Vozvrashchenie muzha v “Odisee” i v russkoy skazke [The return of her husband in the Odyssey and in the Russian fairy tale]. In: Tolstoy I. I. Stat'i o fol'klоре [Articles about folklore]. Moscow, Leningrad, 1966, p. 55–72. (in Russ.)

Toporov V. N. Imya i obraz Lizy v russkoy literature XVIII veka [The name and image of Lisa in 18th century Russian literature]. In: Toporov V. N. «Bednaya Liza» Karamzina. Opyt prochteniya: K dvukhsotletiyu so dnya vykhoda v svet [Karamzin's “Poor Lisa”. Reading experience: To the bicentenary of the day of publication]. Moscow, 1995, p. 393–478. (in Russ.)

Toporov V. N. Iz istorii russkoy literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroy poloviny XVIII veka: issledovaniya, materialy, publikacii. M. N. Murav'ev: vvvedenie v tvorcheskoe nasledie [From the history of Russian literature. Vol. 2: Russian literature of the second half of the 18th century: research, materials, publications. M. N. Murav'yov: introduction to the creative heritage]. Moscow, 2003, pt. 2, 983 p. (in Russ.)

Travnikov S. N., Olshevskaya L. A. «I vsyudu strasti rokovye, i ot sudeb zashchity net» (fol'klornye i literaturnye istoki russkoy klassicheskoy ballady) [“And everywhere fatal passions, and there is no protection from the fate” (folklore and literary sources of the Russian classical ballad)]. In: *Russkaya ballada: Istoriya i teoriya zhanra* [Russian ballad: History and theory of the genre]. Moscow, 2006, p. 3–33. (in Russ.)

Shumaher A. E. Zhanr ballady v tvorchestve I. I. Dmitrieva [Ballad genre in the work of I. I. Dmitriev]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [*Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*], 2013, no. 2, p. 124–133. (in Russ.)

Сюжет и мотив: теория, типология, систематизация

Shumaker A. E. Raznovidnosti balladnogo zhanra v poezii M. N. Muraviyova [Varieties of the ballad genre in the poetry of M. N. Muraviyov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 395, p. 31–39. (in Russ.)

Shumaker A. E. Russkaya literaturnaya ballada kontsa XVIII – nachala XIX veka: syuzhetno-motivnyy repertuar i zhanrovye granitsy [Russian literary ballad of the late 18th – early 19th centuries: subject-motive repertoire and genre boundaries]. Philol. Cand. Dis. Novosibirsk, 2015, 170 p. (in Russ.)

Yanitskaya S. S. Romans v tvorchestve Yu. A. Neledinskogo-Meletskogo [Romance in the works of Yu. A. Neledinsky-Meletsky]. In: Problemy izucheniya literatury XVIII veka [Problems of studying the literature of the 18th century]. St. Petersburg, Samara, 2001, p. 194–198. (in Russ.)

Lyubov A. Kuryshva – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; kurysh@mail.ru)